

Гу Янь очнулся бледный, в холодном поту.

Пальцы дрожали, когда он дотронулся до низа живота. Фантомная, невыносимая боль — точно острый кинжал всё ещё вскрывал его дантянь, а чья-то рука вчистую вырывала Золотое Ядро — въелась в само его существо, добираясь до самого мозга костей.

Даже ощутив под пальцами гладкую кожу и целую, невредимую обитель духовной силы, он не смог разогнать ледяной ужас.

Сквозь листву пробивались золотые лучи, оседая на его плечах и волосах. Стояла тёплая, благодатная погода, от которой размякают кости, но Гу Яню казалось, будто его бросили в ледяную бездну — кровь в жилах застыла подобно железу.

Сон?

Он тяжело дышал, не в силах справиться с дрожью.

Нет, не похоже. С самого детства, культивируя на горе Сяоцан, он хранил разум чистым от мирских помыслов и после достижения стадии Концентрации Цзи почти не видел сновидений. С чего бы ему вдруг приснился столь жестокий и мучительный кошмар?

Даже иллюзии во время Небесной Скорби при формировании Золотого Ядра не казались настолько пугающе ощутимыми.

Отчуждение младшего брата-наставника, затаённая злоба младшей сестры, предательство жениха, потребовавшего разорвать помолвку... И Учитель, который всегда относился к нему с теплотой, собственной рукой вскрывший его дантянь, чтобы вырвать Золотое Ядро и отдать Линь Чжэньчжэню! А его оставили истекать кровью на земле, корчившегося в предсмертных муках.

В конце концов он умер — от дикой боли и потери крови.

Нет, это не был сон или морок. У всякого морока есть изъян, его можно распознать. Гу Янь умел отличать иллюзию от яви.

Всё это происходило с ним на самом деле!

Сжав руками живот, Гу Янь судорожно ловил ртом воздух.

Он замер, не способный сдвинуться с места, пока перед глазами вереницей проносились картины его гибели. Обида и гнев, захлестнувшие грудь, были настолько тяжелы, что в глазах потемнело. На миг мир поплыл, и прядь его духовного сознания затянуло в ослепительно

белое, пустое пространство.

Придя в себя и убедившись, что вокруг нет никакой опасности, Гу Янь заметил перед собой книгу.

Он осторожно перелистал её и вдруг замер.

На страницах было выведено его имя!

И не только его. Там упоминался Нин Шуанфэн — его обручённый жених, второй младший брат Чжао Чжэньюй, которого он выходил с малых лет, единственная младшая сестра Ци Жунжун, Преподобный Цинъян... и Линь Чжэньчжэнь.

Ошеломлённый, Гу Янь жадно впился взглядом в строки.

Сколько прошло времени, он не знал, но вскоре до его уха донеслись голоса.

Голос звучал мягко и нежно, подобно весенней трели иволги:

— Второй старший брат, как твоя рана? Тебе уже лучше?

— Почти зажила, — ответил юноша в синем одеянии.

Его правая рука была перевязана белыми бинтами и подвязана к шее, а лицо выглядело бледным.

Они шли бок о бок, держась весьма непринуждённо и близко.

Заметив, что под деревом плодов Билин густая тень овеивает прохладой, они укрылись от палящего солнца и присели за каменный столик.

Невысокий, кроткого вида юноша со светлой улыбкой достал из бамбуковой корзинки изящную фарфоровую посуду:

— Я испек хрустальное шелковичное пирожное и миндальное печенье. Попробуй скорее, второй старший брат.

Лакомства выглядели изысканно и аппетитно, а белоснежные блюда с изящным узором придавали им особый лоск.

Однако юноша в синем не спешил прикасаться к угощению.

— Что же ты не ешь? — звонко спросил младший с невинным видом.

И тут же, словно только заметив подвязанную руку собеседника, огорчённо опустил веки. В его миндалевидных, будто слегка увлажнённых глазах промелькнуло сожаление, сменившееся нежной заботой:

— Ах, прости! Я и забыл, что твоя рука ранена и тебе трудно двигаться. Давай я покормлю тебя.

Взяв бамбуковые палочки, он поднёс кусочек шелковичного пирожного к самым губам Чжао Чжэньюя и мило улыбнулся:

— Попробуй. Я помню, что ты не любишь приторное, поэтому положил вдвое меньше сахара. Вкус должен получиться мягким и лёгким.

Жест выходил чересчур двусмысленным.

Чжао Чжэньюй посмотрел на тонкую, белоснежную кисть, от которой исходил тонкий, необычайно приятный аромат, и почувствовал невольную неловкость. Превозмогая смущение, он принял угощение. На его щеках выступил румянец, и он поспешно сглотнул, избегая мягкого, подёрнутого дымкой взгляда.

— Вкусно... Очень вкусно, — выдавил он.

Линь Чжэньчжэнь тихо рассмеялся:

— Ты же совсем не распробовал! Давай покормлю ещё. Ешь медленнее, а если что-то не понравится — обязательно скажи, чтобы в следующий раз я сделал лучше.

Так один кормил, а другой ел. Вскоре тарелка с пирожными опустела. Юноша взял пиалу с миндальным печеньем и не спеша скормил Чжао Чжэньюю добрую половину, прежде чем с удовлетворением убрать посуду обратно в корзину.

Заметив крошки в уголке губ собеседника, Линь Чжэньчжэнь с улыбкой коснулся своего подбородка:

— Второй старший брат, утрись, ты испачкался.

Чжао Чжэньюй торопливо полез за платком. Но раненая рука была крепко прижата к груди, а

левой действовать было неудобно — он долго шарил в рукаве, но ничего не нашел.

Видя это, Линь Чжэньчжэнь вздохнул, с улыбкой подпёр щеку, а затем, подавшись вперёд, сам осторожно смахнул крошки с его губ. И словно невзначай заметил:

— Старший брат всё-таки поступил слишком жестоко. Как можно было довести тебя до такого состояния?

Смущённый такой неожиданной лаской, Чжао Чжэньюй залился краской и тихо возразил, отведя взгляд:

— Я сам виноват, отвлёкся во время поединка. Старший брат здесь ни при чём.

— Знаю я, что ты не станешь винить старшего брата, — капризно поджал алые губы Линь Чжэньчжэнь, обиженно опустив ресницы. — Выходит, я попусту переживаю за твою руку. Дома мой отец всегда учил старших: в духовном поиске нужна постепенность, а спешка и крайности лишь вредят. Где это видано, чтобы, как старший брат, заставлять тебя подниматься до рассвета и махать мечом без отдыха день за днём? Это же совсем не по-человечески!

Он с жалостью покосился на раненую руку:

— Так ведь и искалечить человека недолго.

— Старший брат желает мне добра... — вымученно проговорил Чжао Чжэньюй.

— Я вовсе не хочу злословить о нём! Но у него слишком тяжёлый, непреклонный нрав. Сам помешан на тренировках — и ладно, но с какой стати требовать того же от тебя? В мире столько прекрасного, разумный путь — это чередование труда и отдыха. А он давит на тебя день за днём, не давая ни единого мгновения продыху. Натянута струна быстро рвётся, если так продолжать...

Чжао Чжэньюй поджал губы. Правая рука отозвалась тупой болью.

В памяти всплыли долгие годы тренировок: и в лютый мороз, и в зной, его заставляли вставать ни свет ни заря. Стоило опоздать хоть на мгновение — следовал суровый выговор и наказание.

Слова защиты застряли у него в горле. В глазах легла мрачная тень.

Заметив это, Линь Чжэньчжэнь скрыл довольную ухмылку, делая вид, будто убирает вещи.

«Оказывается, отнять у Гу Яня дорогих ему людей... до смешного просто».

Они пробыли в тени ещё полчаса и ушли вместе.

А в густых кронах дерева Билин Гу Янь открыл глаза. Выбравшись из странного белого пространства и упорядочив мысли, он смотрел им вслед с холодным, бесстрастным лицом.

Юноша в синем с перевязанной рукой — Чжао Чжэньчжэнь — его второй младший брат. Осиротев в шесть лет, он попал на гору Сяоцан, где Учитель попросту свалил заботу о нём на плечи Гу Яня.

Гу Янь фактически выстирал и выкормил его сам.

Он дал ему имя, научил грамоте. Обо всём — от одежды до еды — Гу Янь заботился лично, опасаясь, как бы мальчик не замкнулся в себе после гибели родителей. Он постоянно готовил для него вкусности, покупал у подножия горы диковинные игрушки, лишь бы тот быстрее привык к жизни на горе Сяоцан.

Когда Чжао Чжэньчжэнь исполнилось восемь, Гу Янь наставил его на путь самосовершенствования. Зная, что талант брата весьма посредственен — обычный Тройной духовный корень, — а воля слаба, Гу Янь подавал личный пример, тренируясь вместе с ним и в лютый холод, и в летний зной. И к тридцати годам всё же вытянул его на стадию Заложения Основания.

Для обладателя Тройного духовного корня достигнуть стадии Заложения Основания в тридцать лет — успех, достойный искреннего восхищения. Терпение и труд дали свои плоды.

Гу Янь относился к Чжао Чжэньчжэнь как старший брат и отец в одном лице, отдавая себя без остатка. И Чжао Чжэньчжэнь платил ему глубоким уважением и послушанием, в любых делах обращаясь прежде всего к старшему брату, а не к Учителю.

Но всё это осталось в прошлом.

С появлением нового младшего ученика Гу Янь стал замечать, как Чжао Чжэньчжэнь отдаляется от него.

Линь Чжэньчжэнь — тот самый симпатичный, круглолицый юноша с нежной кожей — был сыном старого друга их Учителя. Хворый с детства и неспособный к практике духовных искусств своего клана, в прошлом году он прибыл на гору Сяоцан ради оздоровления. Клан Линь не ждал от него великих успехов — лишь бы поправил здоровье.

Выходец из знатного рода самосовершенствующихся, он отличался изысканной красотой, кротким нравом и утончёнными манерами. Он прекрасно разбирался в благовониях и сладостях, щедро дарил подарки и быстро очаровал всех на горе Сяоцан — от Учителя до слуги Дин Лю на кухне и Чэнь Аня, работавшего на полях.

Даже Гу Янь проникся симпатией к живому, улыбчивому юноше и часто привозил ему с подножия горы разные редкие вещицы.

Заметив, что Чжао Чжэньчжэнь неравнодушен к Линь Чжэньчжэню, Гу Янь решил, что брат просто повзрослел и влюбился. Вполне естественно, что, обретя возлюбленного, он стал меньше времени проводить со старшим братом. Даже между отцом и сыном не бывает вечной откровенности. Гу Янь отнёсся к этому спокойно и не стал вмешиваться.

Он и помыслить не мог...

За его спиной Линь Чжэньчжэнь столь бессовестно стравливал его с Чжао Чжэньчжэнем!

Явная, шитая белыми нитками клевета. Но Чжао Чжэньчжэнь — то ли по глупости не замечая подвоха, то ли уязвлённый в самое больное место — покорно соглашался с каждым словом.

Теперь всё стало ясно.

Гу Янь холодно усмехнулся. Неудивительно, что после прихода Линь Чжэньчжэня Чжао Чжэньчжэнь отдалялся всё сильнее, пока они не превратились в чужаков, едва обменивающихся парой слов.

А позже, когда Линь Чжэньчжэнь сковал утробный яд, не позволяющий культивировать, они позарились на его Безупречное золотое ядро. Именно Чжао Чжэньчжэнь с невинным видом преподнёс ему чашу с отравленным чаем из сердцевин лотоса, помог Учителю связать его, а затем присутствовал при том, как из его тела заживо вырезали ядро ради младшего ученика.

После этого Гу Янь три дня и три ночи корчился в невыразимой муке, пока не испустил последний вдох от потери крови.

Каждая капля, вытекавшая из его тела, уносила остатки тепла, погружая его в леденящую тьму.

Эти воспоминания выжглись в его памяти навечно. Истёкший кровью Гу Янь не мог понять одного: за что Чжао Чжэньчжэнь предательски вонзил ему нож в спину?

Лишь погибнув и прочитав книгу в том белом пространстве, он понял всё.

Оказывается, он был всего лишь ненавистным злодеем в чужой истории.

Согласно книге, Чжао Чжэньчжэнь затаил на него обиду за излишнюю суровость.

Например, из-за тех самых тренировок: недомогал ли Чжао Чжэньюй, заживали ли его раны или же он просто хотел отправиться с младшим братом в город на Праздник фонарей — Гу Янь непреклонно требовал продолжать упражнения.

И Чжао Чжэньюй решил, что старший брат бесчувственен и не понимает его.

Лишь Линь Чжэньчжэнь казался ему воплощением нежности и заботы: спрашивал, не устал ли он, обрабатывал раны, запоминал любимые блюда и специально готовил лакомства. Он даже вставал до зари, чтобы собрать утреннюю росу с лепестков Билин, только потому что Чжао Чжэньюй однажды похвалил её сладковатый вкус.

Сладкая ловушка для слабого духом. Чжао Чжэньюй по натуре никогда не стремился к суровым трудам.

То, что Гу Янь считал искренней заботой о будущем брата, в глазах Чжао Чжэньюя выглядело тиранией и чёрствостью. Чем ответственнее Гу Янь исполнял свой долг старшего брата, тем сильнее Чжао Чжэньюй презирал его и тем охотнее искал утешения подле Линь Чжэньчжэня.

А подкармливаемый «нежной заботой и сочувствием», он быстро переметнулся на другую сторону. И в конце концов помог заживо вырвать Золотое Ядро у того, кто его вырастил.

Гу Янь прижал руку к животу, где всё ещё ноюще отзывался фантомный страх, и насмешливо прищурился.

Какая глупость!

Вырастить предателя, вложить в него столько сил и души...

Он не ждал от Чжао Чжэньюя благодарности, но никак не думал, что пригрел на груди неблагодарную змею. Сам виноват — был слеп и не разглядел гнилое нутро.

Гу Янь ещё долго грелся под солнечными лучами, пока ледяное оцепенение окончательно не отступило.

Спрыгнув с дерева, он направился к своему двору.

Не умри он один раз, слыша за спиной ядовитые речи Линь Чжэньчжэня и видя молчаливое согласие Чжао Чжэньюя, он наверняка вспыхнул бы гневом и высказал всё в лицо:

«Неужели ты не видел ни капли моего добра?! Моя требовательность в тренировках — это бесчувственность?! Ты желал остаться никчёмным бездельником, умеющим лишь развлекаться?! Линь Чжэньчжэнь может не изнурять себя трудами, потому что родился в

богатом клане, и родители обеспечат его редкими сокровищами, пилюлями и даже Золотым Ядром! На что рассчитываешь ты, если бросишь путь меча? Как ты собираешься устоять в Союзе Бессмертных?!»

Но он уже умер единожды.

Узнав истинную цену Чжао Чжэньюю, он вытравил из сердца остатки братской привязанности и больше не намеревался тратить на него ни слова, ни мысли.

Что думает и делает Чжао Чжэньюй отныне — его не касается.

Вместо того чтобы разбазаривать силы на неблагодарную тварь, лучше посвятить всё время укреплению собственной мощи.

Роль жертвенного старшего брата сыграна. С него довольно!

<http://bllate.org/book/19602/1934160>